ЮРИЙ МАРКОВИЧ НАГИБИН

Кн. обозрение. — 1994. — 28 июня. — с. 7.

Его не стало утром 17 июня.

За неделю до этого он был в издательстве ПИК на дружеском торжестве по случаю выхода своей книги новых повестей и, словно начинающий автор, от души радовался сигнальному экземпляру. А всего за два дня до скоропостижной — на 75-м году — кончины участвовал в презентации альманаха Союза писателей Москвы «КОЛЬЦО А», где опубликована его повесть «Бунташный остров», продолжающая памятное «Нетерпение». Кто-то предложил выдвинуть эти произведения на соискание государственной премии. «А-а! — отмахнулся не избалованный лауреатскими почестями Юрий Нагибин. — Писателю необходимо в этом смысле соблюдать стерильность».

На выходе еще одна новая книга — в издательстве «Московский рабочий». Но он ее не увидит: ей суждено стать первой посмертной...

Нам еще предстоит осознать до конца и в полном объеме, кого потеряла российская культура, кем был для нее Юрий Нагибин, что значит его самобытный талант в истории новейшей российской словесности. Но одно несомненно уже сейчас: беспристрастное время вынесло свой суд при жизни писателя. Вынесло тем, что более сотни изданий его книг разошлись по стране и миру миллионами экземпляров, стали для отечественных и зарубежных читателей примером вдохновенного творчества, притягательного и бескомпромиссного воплощения правды жизни и художественного совершенства.

Так совпало: литературный дебют Юрия Нагибина пришелся на 22 июня 1941 года — этим днем датирован номер «Огонька», где был напечатан его первый рассказ. Первая книга молодого писателя — «Человек с фронта» — появилась в 1943 году. Участник Отечественной войны, Юрий Нагибин пришел в литературу как представитель фронтового поколения и на протяжении всей жизни был неизменно верен памяти войны.

В послевоенные 40—50-е и особенно в «оттепельный» период 50—60-х гг. ярко и всесторонне раскрылся талант Юрия Нагибина как признанного мастера. «На тихом озере», «Ночной гость», «Чистые пруды», «Чужое сердце» по праву считаются классикой современного русского рассказа, а повести — от давних «Трудное счастье», «Страницы жизни Трубникова» до самых последних «Тьма в конце туннеля» и «Моя золотая теща» — являют собой неповторимость того воистину новаторского импульса, какой внес писатель в развитие многообразия форм современной русской прозы.

Весом и кинодраматургический вклад Юрия Нагибина в отечественную культуру. Его перу принадлежит ряд сценариев, по которым сняты известные фильмы. В том числе «Председатель», ставший одним из вершинных в 60-е годы обретений киноискусства.

Юрий Нагибин принадлежит к тем истинно талантливым мастерам слова, которые не замыкались в границах однажды найденной манеры письма, не признавали над собой диктата одного, даже успешно опробованного стиля. Чуткий к материалу повествования, он не боялся предстать перед читателем тем новым, непривычным, незнакомым прежде Нагибиным, каким его востребовала жизнь, воплощенная в идеях и образах произведения.

Так было в 70—80-е годы, когда из-под блистательного нагибинского пера друг за другом появлялись написанные на едином дыхании художественные исследования о Бахе и Кальмане, Чайковском и Рахманинове, протопопе Аввакуме и Тредиаковском, Пушкине и Дельвиге, Тютчеве и Фете, Апполоне Григорьеве и Иннокентии Анненском, Бунине и Лескове... Писатель возрождал историко-биографический жанр, и это не было уходом в прошлое, бегством от тревожных забот времени, которое ныне мы называем застойным. Воскрешая крупномасштабные фигуры великих наших предшественников, писатель покушался на святая святых советского идеологического надзора: отстаивал честь и достоинство искусства, ратовал за свободу творчества, за полное, ничем не стесненное раскрытие таланта.

Нового Нагибина открыла нам и его проза 90-х годов, насыщенная условными приемами и гротескными красками социальной, политической, бытовой сатиры. В таком ключе, к примеру, написана книга «Любовь вождей». Дальнейшего расширения художественной палитры потребовали в последних работах писателя и его решительный расчет с коммунистическим прошлым, и заданная жизнью тема национал-шовинизма, которую он, по собственному его выражению в публицистическом финале «Тьмы в конце туннеля», «единственный из всех пишущих ввел... в беллетристику», и беспощадная переоценка самого себя, своей судьбы, вплетенной в сложные драмы эпохи.

Все это вместе неразрывно связано с той общественной и нравственной позицией, какую твердо занял Юрий Нагибин в бескомпромиссной борьбе за нашу российскую демократию, мужественно поддержанную авторитетом его писательского имени, силой его таланта, темпераментом и гражданственностью его как сопредседателя Содружества союзов писателей и Союза писателей Москвы.

Он был одновременно и благородным рыцарем литературы, и подвижником писательского труда, не выпускавшим из рук пера на протяжении пятидесяти с лишним лет на редкость плодотворной работы. И эта безотказная преданность литературному делу — и урок для всех нас, и завет нам, оставшимся жить без его постоянного присутствия рядом.

И все-таки, все-таки как нам поверить в то, что он ушел от нас, этот красивый, обаятельный и талантливый человек. Ушел необременительно и неожиданно, ушел, улыбнувшись нам напоследок, отчего наша боль и скорбь еще острее, хотя и разделяют их с нами миллионы его читателей, которым завещал он и свое творчество, и свою любовь к России.

А.Ананьев
А.Анфиногенов
В.Астафьев
Б.Ахмадулина
Г.Бакланов
З.Богуславская
А.Борщаговский
В.Быков
Б.Васильев
А.Вознесенский
В.Войнович
А.Гербер
Д.Гранин
Ю.Давыдов
Е.Евтушенко
А.Злобин
А.Иванов
Н.Иванова
Ф.Искандер
Р.Казакова
Ю.Карякин
Я.Костюковский
К.Ковальджи
Т.Кузовлева
А.Курчаткин
Л.Лиходеев
А.Нуйкин
В.Огнев
Б.Окуджава
В.Оскоцкий
Н.Панченко
Г.Поженян
А.Приставкин
В.Пьецух
А.Рекемчук
Р.Рождественский
А.Рыбаков
В.Савельев
Е.Сидоров
Ю.Суровцев
А.Турков
Ю.Черниченко
С.Чупринин
Н.Шмелев
А.Щуплов.

ПАМЯТИ МАСТЕРА

Ушел из жизни подвижник российской изящной словесности, большой друг и автор «Книжного обозрения», дорогой наш Человек ЮРИЙ МАРКОВИЧ НАГИБИН. Он был, в первую очередь, русским подвижником — одним из тех, о ком писал свою блистательную прозу. А писал он о протопопе Аввакуме, Василии Тредьяковском, Антоне Дельвиге, Петре Чайковском... Вся жизнь и творчество Юрия Марковича располагались в координатах русской культуры, русского искусства, русской литературы, русского языка... В этом отношении Юрий Нагибин был настоящим патриотом. Его душа, мысль, книги были открыты всей зарубежной культуре — и не случайно один итальянский издатель предложил ему делать книги о русских и западных художниках, дав карт-бланш на выбор имен. В этом Юрий Нагибин был космополитом в исконном, благородном значении этого термина.

Юрий Маркович был самым большим другом «Книжного обозрения». Все его предложения встречались положительно: будь то беспрецедентная культурная акция на страницах «КО» по созданию антологии русского советского рассказа, где в читательский оборот были введены забытые, неизвестные имена советских и антисоветских — главное, русских! — писателей XX века; или издания книги американца Дика Портера «Странный разведчик»; или рецензия на неординарные современные издания... Все произведения Нагибина последних лет — так или иначе — проходили «обкатку» или имели резонанс на страницах «КО». Художественный вкус Нагибина был нашим магнитом в современном море безвкусицы, пошлости, литературного хамства, врагом которых до последних дней был наш писатель.

В последние годы Юрий Маркович переживал творческий взлет. У него как бы открылось второе дыхание: сатира, и гротеск, лирическая проза, эксперименты в области политико-эротических фантасмагорий (вспомним его книгу «Любовь вождей»)... Вышло его собрание сочинений, одна за другой выходили книги. Только в последние месяцы появилось, кажется, три издания... Казалось, Мастер торопился сказать нам все перед своим уходом. А впрочем, он не думал уходить. Его жизнелюбие, энергия, неуспокоенность, опыт делали его Современником и Собеседником тысяч читателей России и зарубежья.

Юрий Нагибин уходит со своим веком. Он посетил сей мир в его минуты роковые и стал соединяющим мостом между кровавыми тридцатыми — через пороховые сороковые — оттепельные пятидесятые—шестидесятые (а Юрий Нагибин был и оставался до последних дней ШЕСТИДЕСЯТНИКОМ!) — и нашими днями свободы, переходящей во вседозволенность. Юрий Нагибин донес до наших дней эстафету от Андрея Платонова, перед которым преклонялся и с которым Судьба свела его в довоенные годы. Можно уверенно сказать, что с Юрием Нагибиным закончился русский рассказ XX века: ведь именно этому жанру он особенно тепло, по-рыцарски преданно служил.

Говоря о писателе Юрии Нагибине, не хочется употреблять стершиеся эпитеты: «замечательный», «известный», «большой»... **Его книги читали. Его книги продолжают читать.** Это самая лучшая оценка творчества Мастера.

Редакция «Книжного обозрения» вместе со своими читателями и читателями Юрия Нагибина — сегодняшними и будущими — прощается с Маэстро российской прозы и выражает соболезнование его родным и близким.

«КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ» И ЕГО ЧИТАТЕЛИ.

«КАК ХОЧЕТСЯ ПОВЕРИТЬ В СВОЙ НАРОД!..»

Заметки о последней книге Юрия НАГИБИНА

Многие ли издательства рискуют сейчас обращаться к современной прозе (о поэзии и говорить не приходится!) при дороговизне книгопечатания? Многие ли обладают безошибочной интуицией, предугадывая читательский интерес к своей новинке? Издательство ПИК доверилось своему чутью — и вот я держу в руках новую книгу Юрия Нагибина — повести «Тьма в конце туннеля» и «Моя золотая теща», разносюжетные, но при этом словно бы глубинно сращенные между собой нагибинским отношением к фашизму и антисемитизму, оценками не столь уж давних, а то и вовсе почти нынешних времен, словом, самой незаурядной личностью автора. Невозможно воспринять однозначно ни одну из повестей, но, по мне, лучше — то есть достовернее, насмешливее, чище, беспощаднее — вряд ли кто-нибудь из нынешних прозаиков смог бы написать об этом.

Разговор о первой повести легче всего, пожалуй, начать с ее заключительных фраз: «Трудно быть евреем в России. Но куда труднее быть русским». — между которыми натянута человеческая судьба, стремящаяся по жизненному туннелю к свету, а наталкивающаяся на тьму. На тьму даже в конце туннеля, где каждому из нас вроде бы обещан именно свет.

Если быть краткой, повесть эта о том, как человек по имени Петр Калитин пронес сквозь всю жизнь свое ощущение недорусскости (поскольку отец его

(Продолжение на стр. 20).